Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (19), 2022.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-37-47
https://elibrary.ru/EVDNXP

© 2022. Винченцо Риццо
философская ассоциация «Прологос», Вербания, Италия

Дрожать/трепетать перед Судьбой

© 2022. Vincenzo Rizzo
Philosophical association Prologos, Verbania, Italy

Trembling in Front of the Destiny

Информация об авторе: Винченцо Риццо, доктор философских наук, член и научный сотрудник философской ассоциации «Прологос», Фьюметта, д. 8, 28922 г. Вербания, Италия.
E-mail: auravince@gmail.com

Аннотация: Для Достоевского у истоков философии находится мистический трепет, а не удивление. Трепет, дрожь — это не страх или мука, а рана и слабость, присущие человеческому состоянию. Это знак нашей онтологической зависимости. В романе «Преступление и наказание» термин «дрожь» встречается много раз. Он разрушает замкнутость «я» и открывает потребность в другом. Дрожь открывает Раскольникову путь к внутренним переменам. Соня дрожит за него перед лицом судьбы, потому что хочет для него спасения. Она взволнованно читает отрывок из Евангелия о Лазаре. Дрожащая Соня словами Иисуса просит его выйти из темноты пещеры, из ниоткуда. Ее дрожь заставляет молодого человека осознать всю серьезность того, что он сделал. Она становится свидетелем того, что мы нуждаемся в другом, чтобы не превратиться в ничто. Есть и те, кто не трепещет за других, потому что слеп и обращен против жизни, как Свидригайлов или Ставрогин. Свидригайлов, разрушив жизнь других людей и невинного ребенка, убивает себя. Поэтому пожелание, обращенное к каждому — трепетать за свою судьбу и судьбу всего мира. Осознание своей хрупкости ведет нас к истине жизни.

Ключевые слова: Мистический трепет, дрожь, Судьба, спасение, процесс, онтологическая зависимость, состояние человека, солидарность.

Для цитирования: *Риццо В.* Дрожать/трепетать перед Судьбой // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 37–47. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-37-47

Information about the author: Vincenzo Rizzo, PhD in Philosophy, member and researcher of the philosophical association Prologos, via Fiumetta 8, 28922 Verbania, Italy.

E-mail: auravince@gmail.com

Abstract: For Dostoevsky at the beginning of philosophy there is the mystical tremor not the wonder. The tremor is not fear or torment, but the wound of our weak human condition. Is a sign of our ontological dependence. In *Crime and Punishment,* the term tremor occurs many times. It breaks the closure of the self and reveals the need for the other. The tremor opens the way for Raskolnikov to inner change. Sonia trembles for him in the face of destiny because she wants salvation for him. She reads with emotion the passage from the Gospel about Lazarus. Sonia trembles and with the words of Jesus, she asks him to come out of the darkness of the cave and out of nowhere. Her tremor makes the young man become aware of the gravity of what he has done. It becomes the evidence of our need for another, in order not to fall into nothing. There are also those who do not feel the trembling for the others because they are blind and are against the life, like Svidrigailov or Stavrogin. Svidrigailov, after destroying the lives of others and an innocent child, kills himself. For this reason, the wish for everyone is to tremble for their own destiny and for that of the world. The awareness of our fragility guides us to the truth of life.

Keywords: Mystical tremor, Destiny, salvation, process, ontological dependence, human condition, solidarity.

For citation: Rizzo, Vincenzo. “Trembling in Front of the Destiny.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (19), 2022, pp. 37–47. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-37-47

1. Дрожь у истоков философии[1]

Для Аристотеля философия происходит из удивления перед бытием. Мы откликаемся на вещи, мир, людей, и в нас зарождаются вопросы: почему? зачем? Такие философы Нового Времени, как, например, Декарт, или современные нам, такие, как Мария Самбрано, также подчеркивали важность удивления в процессе познания. Достоевский, напротив, выводит на первый план другой фактор: дрожь/трепет. Не страх, не ужас и не мучения — категории, в достаточной мере присутствующие в его текстах — но именно дрожь[2].

Дрожь — не просто страх перед угрожающим событием, физиологическая или психологическая реакция на неожиданный и опас-

[1] Статья переведена с итальянского К. Корбелла.

[2] «Познание себя предполагает любовь к себе, любовь к Божественному замыслу о нас, любовь к своей личности как к свободному, вечному и творческому началу. С этой любовью сливается религиозное чувство глубины, мистический трепет перед бесконечностью духа и его божественностью; этот трепет предшествует философскому удивлению» [Evdokimov, 1995, p. 99]. Важны также размышления о дрожи Деррида [Derrida, 2012].

ный факт. Дрожь — открытие структурной уязвимости, смертельной слабости, онтологической зависимости, присущих человеку — всякому вообще человеку. Человек не может не дрожать и делает это с самого начала своей жизни. Первая, непроизвольная дрожь новорожденного, вышедшего из чрева матери, не только естественна и физиологична, но и мистична. Дрожь младенца указывает на первоначальную нашу потребность: быть прикрытыми, защищенными, чтобы не быть нагими. Человек, благодаря дрожи, впервые сталкивается со своим внутренним ликом, со своей потребностью в Ком-то Другом, в необходимой поддержке, чтобы стоять на ногах, чтобы не провалиться в никуда, в пропасть. Дрожь, следовательно, это даже не *appetitus essendi*, жажда бытия, но нечто, более первоначальное: изначальный крик о помощи в человеке/человека/для человека.

2. Дрожь/трепет сердца

Термин «дрожь» встречается во всех произведениях Достоевского, но на мой взгляд он особенно раскрывается и подчеркивается в «Преступлении и наказании». Мы видим прежде всего письмо матери, дрожащее в руках Раскольникова [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 27]. В письме говорится о тяжелой жизни семьи и о ее судьбе. В руках студента дрожит не просто письмо — дрожит все существование его близких. Письмо врывается в жизнь героя, нарушая его одинокую замкнутость в своем внутреннем мире, полном клочков и обрывков мыслей. Кажется, Достоевский здесь наводит нас на мысль, что наши руки призваны аккумулировать трепет других жизней. Жизнь других людей не замкнута в неподвижных, несвязанных между собой и с нами мирах, у нее есть цель. Жизнь других — это письмо, посланное нам, которое мы должны читать с любовью, с участием к их судьбе.

Несмотря на прочитанное письмо, Раскольников снова замыкается в себе, и возвращается к своему ***делу***, к преступлению[3]. Однако сразу после этого мы снова сталкиваемся с дрожью. Она появляется в знаменитом сне о лошадке. В этой связи следует отметить, что сон, с точки зрения Достоевского, касается не бессознательного, а сверхсознательного[4]. В повести «Дядюшкин сон» Достоевский говорит

[3] Интересно заметить, что слово «преступление» заменяется словом «дело», раскрывая, таким образом, что настоящая суть задуманного действия вытеснена из сознания, забыта.

[4] Глядя на ситуацию под таким углом, можно сказать, что не Фрейд читает Достоевского, а гениальный писатель интерпретирует отца психоанализа.

устами своего героя, что сны посылаются нам Богом [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 384], то есть — они затрагивают самую древнюю и первоначальную память человека: память о зависимости. Ребенок в сне Раскольникова, находясь рядом с кабаком, посещаемым сомнительными лицами, весь дрожит, и тесно прижимается к отцу[5]. Он обнаруживает себя в среде, где нет отдельных лиц, а вместо них — бесформенные, однородные тела, которые скоро восстанут все против одного. Это — люди, которые своим насилием заставляют дрожать. Это — целое, которое хочет исторгнуть из себя часть, это — ***подавляющее*** большинство. Все против одного: против бедной лошадки. Подобно людям, которые смеются над юродивой Лизаветой, или подобно детям, которые унижают Илюшу в «Братьях Карамазовых»[6]. Интуиция ребенка предшествует событию. Он оказывается способен почувствовать подлость толпы еще до того, как она убьёт животное. Дрожь ребенка, таким образом, умна, так как она ищет всего в отце. Ребенок отдает себя отцу, полностью доверяется ему, потому что отец может предохранить его от слепого насилия толпы.

Исконная память о дрожи все же не останавливает героя от намерения совершить убийство. В сердце его не укореняется осознание того, что мистическая дрожь лежит в основе отношения с другим, с любым «другим». Студент не может уследить этого в своей памяти. Причина тому внешняя: в Раскольникова проникла идея, что суждение сильнее того, что чувствует наше сердце, что разум обладает юридической и моральной возможностью переопределить реальность.

Герой убежден, что суд рассудка более истинный, чем жизнь, что мораль предваряет онтологию и правее ее[7]. Он судил согласно узкой мере своего разума, и решил, что зло, которое подавляет человечество, уменьшится после смерти старухи. После того, как в его голове вынесен приговор, он продолжает двигаться по наклонной плоскости, которая ведет его к разрушению и духовной смерти. Он игнорирует свою дрожь, когда приготовляет топор, и не чувствует,

---

5 «Встречаясь с ними, он тесно прижимался к отцу и весь дрожал» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 46].

6 Тему «все против одного» можно также обнаружить в «Идиоте» и в «Бесах» (в сцене убийства Шатова). Противоположная ей тема — «один ради всех/за всех» (Митя, отправляющийся в Сибирь для всех, и т.д.).

7 В тексте Достоевского присутствует (хотя и имплицитно, и неструктурированным образом) радикальная критика разума в том смысле, как его понимал Кант.

как бьется его сердце[8]. Дрожь, сопровождающая его[9], — верный признак благой судьбы, которая не хочет его покидать и против которой он совершает насилие. Он считает себя создателем справедливой и законной теории, способной точно рассчитать пользу для человечества. Но его замысел разбивается о тайну жизни. Его план терпит неудачу из-за неожиданного события. На месте преступления появляется невинный человек, сестра старухи-процентщицы, которая тоже дрожит[10]. Дрожь невинной Лизаветы связана не только со страхом смерти, как может показаться на первый взгляд. Это дрожь, которая возражает против самонадеянного замысла и определенности предвидения. Шок — это предупреждение о том, что каждый человек создан для жизни, для благой судьбы, а не для разрушения. Каждый человек состоит из дрожи, которая является основой его существа. И дрожь также показывает, что *mysterium iniquitatis*, тайной беззакония, нельзя управлять, она не может быть подчинена рационалистическому знанию. Однако молодой убийца слеп к дрожи невинных. Как турки или генерал из «Братьев Карамазовых», которые причиняют бессмысленные страдания слабым и беззащитным. Погруженный в бездну небытия, Раскольников не слышит и не видит. Затем, после второго преступления, дрожь сменяется ужасом. Раскольников ощущает себя лишь землей, прахом. Он фактически вошел в совсем другое, не своё измерение, над которым у него нет власти, где у него нет силы. Он подчинен весу, который на него давит[11]. Совершённое зло сильнее, чем то зло, которое, как он думал, он сотворит, чтобы освободить человечество. Короче говоря, зло — это трагическая игра, в которую играет игрок. Оно было подсказано Раскольникову разумным и внешним существом, не имеющим отношения к жизни и основополагающей дрожи[12]. Поэтому Достоевский считает, что, если история может заставить нас дрожать, то есть и нечто, что может заставить дрожать историю. Не только микроисторию Раскольникова, но и макроисто-

[8] «Но сердце не переставало. Напротив, как нарочно, стучало сильней, сильней, сильней...». [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 61].

[9] «<…> но голос не послушался его, прервался и задрожал <…>». [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 62].

[10] «Увидав его выбежавшего, она задрожала как лист, мелкою дрожью, и по всему лицу ее побежали судороги <…>». [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 65].

[11] Его преследует призрак старухи. «Сердце его стеснилось, ноги не движутся, приросли...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 213].

[12] Раскольников, как ни странно, слышит собственные мысли, произнесенные другими людьми, во время разговора в трактире.

рию Наполеона и других высокопоставленных людей, считающих, что они могут обойти закон. На самом деле, человеческие замыслы, пусть даже и добрые, не выдерживают ударов времени, неожиданностей и того, что, будучи зависимым от слишком многих факторов, не поддается расчету и прогнозу. Достоевский не случайно подарил Огареву, который информировал его о происходящем на конгрессе мира в Женеве, первую часть «Преступления и наказания»[13].

Как утверждал Шестов, политика, как и мораль, должна уступить место онтологии, которая напоминает нам, что смерть, всякая смерть, произошедшая по чьему-либо замыслу, не естественна, а противоестественна и сверхъестественна. Поэтому всякая идеология, способная только на суд и обвинение другого, в конце концов сталкивается с реальной жизнью, ***живой жизнью***[14].

Раскольников, благодаря ужасу, а затем и страданию, открывает закон души, от которого никуда не деться. Идеального преступления не существует[15], потому что содеянное остается в сердце и убрать его оттуда нельзя[16]. Душевные терзания, моральные пытки и призраки преследуют его. Он не только вышел за пределы внешнего закона или божественной заповеди, но проигнорировал дрожь, которая есть голос Другого в жизни: свою дрожь и дрожь Лизаветы. Теперь он судит о своей судьбе так: моя жизнь потрачена зря[17].

3. Дрожать за другого

Что может возобновить игру, которая уже закончилась экзистенциальным провалом? Другая дрожь. Иная дрожь, дрожь из иного мира. Дрожь, возникающая нежданно-негаданно у отброса общества, у человека, которого воспринимают как вещь: у Сони. Человеку, который считал себя “право имеющим”, возвращает дрожь женщина, живущая в состоянии ущербности — социальной, челове-

---

13 Об отношениях между ними см.: [Frank, 1998, pp. 336–340].

14 Такие ученые, как Леонид Гроссман и Пьер Паскаль, подчеркивали важность понятия «живая жизнь» у Достоевского.

15 Молодой человек считает, что стабильность и устойчивость разума имеет решающее значение. Он полагает, что можно осуществлять контроль над своим действием и всеми задействованными в нем факторами.

16 Оказывается, тема идеального преступления, которую, как принято считать, ввели Жид, Камю, Мальро, Сартр, появляется еще раньше, в тексте Достоевского. Вклад русского писателя в этом отношении остается непревзойденным.

17 П.А. Флоренский в «Столпе и утверждении истины» напоминает, что термин «судьба» близок к русскому глаголу «судить» [Florenskij, 2010, pp. 530–531].

ческой и т.д. Ее дрожь пробуждает в нем ответную дрожь, которую прежде он в себе глушил, но в этот раз все получается иначе.

Когда Раскольников приходит к Соне, она начинает дрожать от страха, как будто она «перед судьей и решителем своей участи» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 242]. Молодой человек в самом деле осуждает жизнь девушки, напоминает ей о её ране, давит на больное; но напоминая ей о её страдании, он заставляет ее обнаружить причину, по которой она все еще не сорвалась в небытие: эта причина — первоначальная дрожь. Он говорит ей, что правильнее было бы покончить со своим существованием, бросившись головой в воду, чем растрачивать жизнь так, как она. Он, таким образом, продолжает предъявлять свои обвинения: старухе-процентщице, жизни, миру — хотя именно потуги его законнического и рационалистического разума и погрузили его в ничтожество. Но Соня отвечает более серьезным вопросом, продиктованным ответственностью и трепетом за чужую жизнь. Она думает о своей семье, живущей в беспросветной нищете, и спрашивает: «А с ними-то что будет?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 247].

Соня растрачивала свою жизнь полностью, не сопротивляясь, умирая, чтобы дать возможность другим выжить и жить. И ее тело дрожит от негодования, когда она видит, что ее вера подвергается осуждению, осмеянию, порицанию. Вера для писателя не соткана из мечтаний или иллюзий: она — само тело. Неслучайно после своей жестокой критики молодой человек просит Соню прочитать ему отрывок из воскресенья Лазаря. Но Соне не хватает голоса, она дрожит[18], трепещет при приближении Судьбы истории. Ведь это евангельское событие ставит человека перед Судьбой всего и всех: это голос, который зовет, который вопиет. Соня, в процессе чтения отрывка из Евангелия, раскрывает секрет своей дрожи, древний секрет: она дрожит от любви к другому, ради того, чтобы другой шел ко благу.

Ее голос ломается, дрожит, когда она читает. Не она читает книгу: это — слово, которое читает ее. Соня проживает опыт, переживает происходящее в книге, она видит все это сердцем, она свидетель и очевидец. Она на сцене, она присутствует при происходящем событии. И ее присутствие заметно. Она дрожит и холодеет[19], когда

[18] «Соня развернула книгу и отыскала место. Руки ее дрожали, голосу не хватало» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 250]

[19] «<…> громко и восторженно прочла она, дрожа и холодея <…>». [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 251]

читает: «Лазарь! иди вон». Слово, которое она произносит, не ее: оно больше, чем просто прочтенное, оно сильнее разума. Это — слово неслыханное; это громкий крик Иисуса, который отвечает на вопль умирающих всех времен, на вопль всех, кто умирает на духовном, физическом и психическом уровне. Это – настойчивое приглашение молодому человеку — и всему человечеству — выйти из гроба небытия и войти в новую историю. Крик Судьбы разбивает замкнутую трехмерность человека, открывая высшее измерение, которое входит в мир и в душу, опрокидывая, изменяя ее. Событие, повторившееся в момент чтения, оставляет след в Соне, в которой продолжается лихорадочная дрожь. Однако, молодой человек преуменьшает увиденное событие и сводит его к общности их с Соней судьбы, которую он ощущает. Он говорит ей: «Мы вместе прокляты <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 252]. Но несмотря на это, взяв начало от этого чувства, начинается восхождение из провала небытия.

4. Во взоре другого: спасенная дрожь

Восхождение со дна преисподней возможно, когда человек видит себя во взоре другого. Как в «Алкивиаде» Платона[20], человек познает свою душу, благодаря душе другого; Соня своей тревогой, своим ужасом, отображает для убийцы истинный масштаб того, что он сделал. Ее взгляд не рассеян, а устремлен в глубину души Раскольникова, прозревая его истинную судьбу. И под этим взглядом молодой человек возвращается к самому началу своего разделения с самим собой, к расколу в своем сердце — и к основному вопросу: признать свою онтологическую зависимость или задуматься о создании превосходящей ее морали.

«Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]. В темноте сердце возвращается к изначальной, основополагающей дрожи бытия: Соня ведь дрожит всем телом; и просит его покаяться в своем грехе. Интересно, что Достоевский указывает, что Соня дрожит ***вся***. Вся Соня, все ее существо: здесь нет ни картезианского гносеологического дуализма, ни

[20] «Сократ. Следовательно, если глаз желает увидеть себя, он должен смотреть в [другой] глаз, а именно в ту его часть, в которой заключено все достоинство глаза; достоинство это — зрение. Алкивиад. Так. Сократ. Значит, мой милый Алкивиад, и душа, если она хочет познать самое себя, должна заглянуть в душу, особенно же в ту ее часть, в которой заключено достоинство души — мудрость, или же в любой другой предмет, коему душа подобна» [Платон, 133b].

морализма, основанного на необходимости выносить суждение. Ее существо не разделено между телом и душой, над нею не господствует категорический императив. Она занимает позицию полного сопереживания и тотального приятия другого, не медля ни минуты — и не вынося окончательного приговора.

В ней присутствует знание жизненной правды всего, что существует, и это знание заставляет ее чувствовать землетрясение, вызванное идеологическим нигилизмом Раскольникова. Дрожь Сони, таким образом, возвращает Раскольникову его хрупкость и уязвимость, так как отражает в его душе и в его глазах всю серьезность произошедшего.

Иное случается со Свидригайловым, который не чувствует дрожи оскорбленного ребенка, и остается глух даже к воспоминанию об обиженной девочке. Он живет словно в затяжной, раковой болезни, замыкающей его в нем самом. Его жизнь пребывает в глухой слепоте к дрожи другого[21], что и приведет его к окончательной катастрофе. Молодой убийца, наоборот, благодаря участию в нем Сони и крестному знамению, приходит на площадь, вспоминает сказанные ему ею слова, и снова обретает дрожь. Дрожь, которая не оставляет другого выхода, потому что возбуждает в Раскольникове настоятельную потребность окончательного и решительного шага. Он, наконец, возвращается в себя, воссоединяется со своим сердцем, обретает истину о себе. «Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Всё разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 405].

[21] «Эта девочка была самоубийца — утопленница. Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшею и удивившею это молодое детское сознание, залившею незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшею последний крик отчаяния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 391]. Ставрогин также остается глухим к крику изнасилованной девочки.

Заключение

После столкновения с глубинным смыслом той дрожи, которая выявляет, что такое есть человек, каждый человек, становятся непонятными критические высказывания Блума о национализме, авторитаризме Достоевского, и тому подобное. [Bloom, 2010, p. 894]. Гениальный русский писатель универсален, потому что он смог сойти в самую глубину человека как никто другой. Он дал нам ощутить в полноте, что дрожь указывает на истину, присутствующую в сердце каждого человека. Она зарождается в обстоятельствах, которые мы не можем предвидеть, которые не подвластны нам, которые высвечивают нашу изначальную слабость. В таких обстоятельствах мы открываем для себя возможность не справиться, провалиться — или соприкоснуться с чем-то/кем-то, выходящим далеко за наши пределы. В такой ситуации мы можем только дрожать: за свою судьбу, за судьбу близких, за всю историю. Дрожь открывает нашим глазам мир, выводит на свет самые недра реальности: глубину нашего бытия, всех и всего. Она делает очевидной и несомненной нашу сотворенность, которая рано или поздно проявится в нашей жизни. Грех, наша преходящая временность, суета и тщеславие наших проектов, страх потерять тех, кого мы любим, показывают нам, что мы ранены и нуждаемся в поддержке. Дрожь дает нам соприкоснуться с осознанием того, что мы не владеем нашей жизнью и жизнью вообще, подчеркивает тщетность претензий рационалистического, позитивистского или оккультного знания. Те, кто наиболее напряженно ощущает эфемерность пребывания себя и других в мире, и вместе с этим чувствует необходимость не провалиться в небытие, не могут не дрожать перед Судьбой. Неожиданная поврежденность, рана, которую открывает в нас дрожь, возвращает нас в итоге к нашему исконно человеческому состоянию: в мире мы — не правители, а путники в нем на ограниченное время, солидарные с другими существами, подобными нам.

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. Платон — *Платон.* Алкибиад I. URL: https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/alki1.htm (дата обращения: 10.07.2022).

3. Evdokimov, 1995 – *Evdokimov P.* Dostoevskij e il problema del male / tr. it. di E. Confaloni. Roma: Città Nuova, 1995. 304 p.

4. Derrida, 2012 – *Derrida J.* Come non tremare // Lettera Internazionale (111), 2012. Pp. 21–14.

5. Bloom, 2010 – *Bloom H.* Il genio. Il senso dell'eccellenza attraverso le vite di cento individui non comuni / tr. it. di E. Banfi. Milano: Rizzoli, 2010. 945 p.

6. Rolland, 1990 – *Rolland J.* Dostoevskij e la questione dell'Altro / tr. it. di A. Dell'Asta. Milano: Jaca Book, 1990. 184 p.

7. Florenskij, 2010 – *Florenskij P.A.* La colonna e il fondamento della verità. Saggio di teodicea ortodossa in dodici lettere / a cura di N. Valentini. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2010. 820 p.

8. Frank, 1998 – *Frank J.* Dostoïevski. Les années miraculeuses (1865–1871) / tr. fr. Aline Weill. Arles: Solin, Actes Sud, 1998. 710 p.

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

2. Platon. *Alkibiad I* [*First Alcibiades*]. URL: https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/alki1.htm Accessed 10 July 2022. (In Russ.)

3. Evdokimov, Pavel. *Dostoevskij e il problema del male*. Tr. it. di E. Confaloni. Roma, Città Nuova, 1995. 304 p. (In Italian)

4. Derrida, Jacques. "Come non tremare." *Lettera Internazionale*, no. 111, 2012, pp. 21–14. (In Italian)

5. Bloom, Harold. *Il genio. Il senso dell'eccellenza attraverso le vite di cento individui non comuni*. Tr. it. di E. Banfi. Milano, Rizzoli, 2010. 945 p. (In Italian)

6. Rolland, Jacques. *Dostoevskij e la questione dell'Altro*. Tr. it. di A. Dell'Asta. Milano, Jaca Book, 1990. 184 p. (In Italian)

7. Florenskij, Pavel A. *La colonna e il fondamento della verità. Saggio di teodicea ortodossa in dodici lettere*. A cura di N. Valentini. San Paolo, Cinisello Balsamo, 2010. 820 p. (In Italian)

8. Frank, Joseph. *Dostoïevski. Les années miraculeuses (1865–1871)*. Tr. fr. Aline Weill. Arles, Solin, Actes Sud, 1998. 710 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 16.05.2022
Одобрена после рецензирования: 24.06.2022
Принята к публикации: 25.07.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 16 May 2022
Approved after reviewing: 24 June 2022
Accepted for publication: 25 July 2022
Date of publication: 25 Sept. 2022